

Н. К. Гурова

ГОМЕРОВСКАЯ $\mu\alpha\iota\alpha$: ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРОЕКЦИИ
ЛИТЕРАТУРНОГО КОНТЕКСТА

Впервые в древнегреческой литературной традиции слово $\mu\alpha\iota\alpha$ встречается в «Одиссее». Точное историческое содержание термина было бы искать нерезонно, о чем предупреждали М. Финли и В. Тальманн¹. Смысловое содержание гомеровских терминов, которые воспринимались греками как архетипы (вспомним удачное определение гомеровских поэм как библии греческой античности²), выражалось скорее через их контекст.

Слово $\mu\alpha\iota\alpha$ встречается в «Одиссее» исключительно в обращениях (II. 349, 372; XVII. 499; XIX. 16, 482, 500; XXIII. 171)³, часто в сочетании $\mu\alpha\iota\alpha$ φίλη (XX. 129; XXIII. 11, 35, 59, 81) и почти всегда обращено к Евриклее. Эпитет φίλη здесь несет некую эмоциональную окраску и используется применительно к домашним (οἱ οἰκεῖοι), живущим вокруг одного очага⁴.

Евриклея, дочь Опса и внучка Пейсенора (I. 429; II. 349; XX. 148), выделяется прежде всего благодаря имени (от εὐρύ κλέος⁵), которое вместе с именами ее отца и деда является «говорящим»: Εὐρύκλεια ἢ εὐρύ καὶ μέγα κλέος ἔχουσα, ἢ θυγάτηρ τοῦ Ὀππος, τοῦ περιβλέπτου, ἀπὸ τοῦ ὄψις ὁ ὀφθαλμὸς, τοῦ υἱοῦ τοῦ Πεισηνόρος, ἤγουν τοῦ ἰσχυροῦ, τοῦ τοὺς ἀνδρας πείθοντος, ἢ τοὺς ἀνδρείους, ἀπὸ τοῦ πείθειν τὴν ἡγορήν – «Евриклея – та, которая имеет большую и широкую славу, дочь всевидящего Опса, от ὄψις – глаз, сына Пейсенора, т.е. сильного, убеждающего мужей или храбрых, от выражения, означающего убеждать храбрость»⁶. Вторая составляющая ее имени κλέος, а также подразумевающее риторические способности имя ее деда намекают на ее знатное происхождение⁷. В то же время в нем слышится позитивное εὐ-, как и в случае с положительными Евмеем и Евриной в противовес «темной» Меланфо (от μέλας – «черный, темный»). Необычное троекратное упоминание ее генеалогии акцентирует ее роль в поэме и особое место в царском ойкосе⁸.

¹ Finley M. Ancient Slavery and Modern Ideology. N.Y., 1980. P. 107–108; Thalmann W. The Swineherd and the Bow: Representation of Class in the Odyssey. Ithaca–London, 1988. P. 77.

² Strasburger H. Zum antiken Gesellschaftsideal. Heidelberg, 1976. S. 42–49.

³ В ссылках на гомеровские тексты, кроме необходимых случаев, указывается только номер песни и стиха.

⁴ Benveniste E. Le vocabulaire des institutions indo-européennes. V. 1. Économie, parenté, société. P., 1969. P. 345–346. В «Илиаде» φίλος применяется к близким членам семьи: πατήρ φίλος (XVII. 196), μήτηρ φίλη (I. 585), παῖς φίλος (VII. 279), φίλον τέκνον (II. 315), υἱὸς φίλος (X. 50).

⁵ Иное толкование имени (от -κλεια – «та, которую слушают») дает В. Бек (Beck W. Εὐρύκλεια // Lexikon des Frühgriechischen epos. Bgr. Br. Snell. 10. Lief. βᾶδην–θαῦμα. Red. E.-M. Voigt. Göttingen, 1982. S. 798).

⁶ Scholia Graeca in Homeri Odysseam ex codicibus aucta et emendata / Ed. G. Dindorfius. T. I. Oxonii, 1855. P. 70. Нур. 429, 9–12 (далее – Scholia Gr. in Od.).

⁷ Thalmann. The Swineherd... P. 75.

⁸ Dawe R.D. The Odyssey: Translation and Analysis. Sussex, 1993. P. 79–80, 117.

Евриклея – δρωή (I. 435) – «невольница»⁹, что указывает на ее положение ниже nobles гомеровского ойкоса, где строгие границы социальных категорий не вполне ясны¹⁰. Евриклея связана в первую очередь с мужской частью ойкоса¹¹. Ее купил Лаэрт совсем юной¹² за 20 быков (Od. I. 430–431) – сумма баснословная, если учесть, что бронзовое вооружение Дяомеда стоило девять быков, золотое оружие Главка – сто быков (II. VI. 235–236), а обученная разным работам женщина – только четыре (II. XXIII. 704–705). Чрезмерность ее цены видна и из самой «Одиссеи» – за кормилицу Евмея была уплачена стоимость одного осла (XV. 429).

По своему положению в ойкосе Евриклея по существу сближается с матерью Одиссея Антиклеей, поскольку Лаэрт чтит ее, как и свою жену (I. 432). Тем не менее различие в их положении очевидно, и выражается оно еще и в том, что Лаэрт не спал с Евриклеей, опасаясь гнева жены (I. 433), – объяснение скорее парадоксальное, поскольку нравы эпохи этому не препятствовали. Надуманными являются и пояснения схолиастов: мудрость Лаэрта (Scholia Gr. in Od. T. I. P. 70. Нур. 433, 16), стремление Лаэрта добиться расположения редкой рабыни к господам (Eust. Comm. ad Hom. Odys. T. I. P. 73, l. 31–32)¹³. Для мужчины, «царя ойкоса» (οἶκος οἰοῦ ἀναξ - I. 397), было абсолютно естественным иметь паллакид-наложниц. Вспомним «купленную мать-паллакиду», о которой говорит в своей вымышленной биографии Одиссей: ἐμὲ δ' ὄνητή τέκε μήτηρ πάλλακίς – «А меня купленная мать-паллакида родила» (XIV. 202–203).

Евриклея была куплена, когда дом Лаэрта еще не имел мужского наследника, т.е. еще не был полноценным. Пример такого неполноценного дома в «Илиаде» – дом Протесилая (II. 701). В «Одиссее» мы находим способ исправления такой неполноценности: Менелай, который от Елены имеет только дочь, заводит сына от рабыни (IV. 11–12). Как видно, Евриклея была куплена именно как наложница и, вполне возможно, – как «купленная мать». Этим объясняется и ее знатное происхождение, и ее огромная цена. Неис-

⁹ Об этимологии слова δρωή см. *Tovar A. Indo-European Etymology of do-e-ro // Minos. Salamanca, 1971. № 12. P. 318–325; Gschnitzer F. Studien zur griechischen Terminologie der Sklaverei. II. Untersuchungen zur älteren, insbesondere homerischen Sklaventerminologie // Forschungen zur antiken Sklaverei. Bd VII. Mainz, 1976. S. 2–8. О социальном значении слова см. Ραγκαβής Κ. Ο καθ' Ὀμηρον οἰκιακὸς βίος. Λευκίς, 1883. Σ. 154; Δημόπουλος Ε. Θρησκεία καὶ γάμος παρὰ τοῖς ἀρχαίοις Ἕλλησιν // Πλάτων. Ἔτος Ζ'. Τ. Α' 13. Ἀθήναι, 1955. Σ. 108. Κωνσταντόπουλος Π. Οι ομηρικοί Ἕλληνας. Ἀθήνα, 1978. Σ. 131; Πορμπανάς Ι. Τα ομηρικά ἔπη καὶ τὸ νεοελληνικὸ δημοτικὸ τραγούδι. Τ. Β'. Ἀθήνα, 1989. Σ. 155; Waltz P. Les artisans et leur vie en Grèce des temps homériques à l' époque classique. Le siècle d' Hésiode // Revue Historique. 1914. 117. P. 34; Finley M. The World of Odysseus. N.Y., 1977. P. 58–59; Ξενίδου-Schild V. Οι γυναίκες στην ελληνική αρχαιότητα. Ἀθήνα, 2001. Σ. 152, 485, παραλ. 250; Nordheider H.W. δρω (ή) // Lexikon des Frühgriechischen Epos... S. 321–323. Обзор мнений о социальном статусе гомеровских рабов см. Thalmann. The Swineherd ... P. 16 ff.*

¹⁰ Finley. The World ... P. 56; Andrewes A. The Greeks. L., 1967. P. 134. К. Моссе делит женщин просто на жен и прислужниц (Mossé Cl. La femme dans la société homérique // Klio. 1981. Bd 63. Ht 1. S. 148).

¹¹ Scott J. Eurynome and Eurycleia in the Odyssey // Classical Quarterly. 1918. XII. P. 76; Thalmann W. Female Slaves in the Odyssey // Women and Slaves in Greco-Roman Culture / Ed. S.R. Joshel, S. Murnaghan. L. – N.Y., 1998. P. 28; idem. The Swineherd... P. 78.

¹² О целях покупки женщин см. Vernant J. Le mariage, mythe et société en Grèce ancienne. P., 1974. P. 62; Mossé. La femme... P. 157; Histoire des femmes en occident. 1. Antiquité / Ed. G. Duby, M. Perrot. P., 1991. P. 271.

¹³ Ссылки на Схолии Евстафия к «Одиссее» даются по изданию: Eustathii Archiepiscopi Thessalonicensis Commentarii ad Homeri Odysseam ad fidem exempli Romani editi. T. I–II. Lipsiae, 1825–1826.

пользование ее как сексуального партнера¹⁴ скорее уводит в мифологию, где девственность богини-защитницы служила гарантией безопасности смертного. Пример тому – девственная Гестия, которая отказывается от любого сексуального контакта (Hymn. Hom. in Ven. V. 24–32). Может быть, и нянька-защитница героя должна была быть представлена как девственница?

В дальнейшем Евриклея появляется уже как собственность Одиссея (XVII. 34), над которой он имеет господское право жизни и смерти (XIX. 489–490), как одна из *δρηστήρων γυναικῶν*, т.е. служанок (XIX. 345)¹⁵. Одиссей питает к ней чувства сострадания, нежности и уважения: *...εἰ μή τις γῆρας ἔστι παλαιή, κεδνά ἰδυῖα, ἢ τις δὴ τέτληκε τόσα φρεσίν, ὅσσα τ' ἐγὼ περ* – «... может быть, есть какая-нибудь старуха древняя, сердцу любимая, столько же в жизни своей, как и я, перенесшая страданий?» (XIX. 346–347), которые коренятся в уважении к ее почтенному возрасту. Евриклея часто характеризуется как старуха – *γῆρας* (II. 377; XIX. 353, 386, 503; XXII. 411, 495; XXIII. 1, 292), *γῆρας παλαιή* – «старуха древняя» (XIX. 346) и *γῆρας παλαιογενής* – «старуха древнерожденная» (XXII. 395).

Основной же причиной уважения к Евриклее является ее главное занятие – роль няньки вначале Одиссея, а затем и Телемаха, отражаемая словом *τροφός* (II. 361; IV. 742; XIX. 15). Евриклея была повитухой при рождении Одиссея, а затем его кормилицей: *ἢ κείνον δύστηνον ἐὺ τρέφεν ἦδ' ἀτίταλλε δεξάμενη χεῖρεςσ', ὅτε μιν πρῶτον τέκε μήτηρ* – «которая его, несчастливца, выкормила и вырастила, приняв на руки, как только его мать родила» (XIX. 354–355). Ее роль повитухи упомянута мельком как привычное занятие женщин семьи¹⁶. Присутствие при родах в сочетании с первоначальной целью ее покупки как «купленной матери» делает ее соучастницей процедуры рождения наследника и, таким образом, почти паредром матери. Роль кормилицы усиливает ее связь с материнским началом: *μαῖα ... σὺ δὲ μ' ἔτρεφες αὐτῇ τῷ σῶ ἐπὶ μαζῶ* – «майка... ты ведь кормила меня сама своей грудью» (XIX. 482–483)¹⁷. Довод, что Евриклея не рожала, а следовательно, не могла быть кормилицей и что нигде не подтверждается, что няньки были одновременно и кормилицами¹⁸, был отвергнут греческими исследователями, которые понимают глагол *τρέφω* в значении «кормить грудью»¹⁹. И действительно, смысл глагола *τρέφω* уточняется выражением *τῷ σῶ ἐπὶ μαζῶ*. Отметим, что глагол *τρέφω* используется и применительно к слову *μήτηρ* (II. 130–133), но в

¹⁴ Различные объяснения причин см. *Ραγκαβῆς*. Op. cit. Σ. 106; *Hirvonen K. Matriarchal Survivals and Certain Trends in Homer's Female Characters // Annales Academiae Scientiarum Fennicae. Ser. B. T. 152. Helsinki, 1968. P. 184–185; Weisanto M. L' évolution du mariage de l' Iliade à l' Odyssee // Université des sciences du Strasbourg. Contributions et travaux de l' Institut d' histoire Romaine. II. La femme dans les sociétés antiques. Actes des colloques de Strasbourg de (mai 1980 et mars 1981) / Éd. E. Levy. Strasbourg, 1983. P. 50; Γιαννικόπουλος Α. Ἀγνωστές πτυχές της αρχαίας ζωῆς καὶ ἀγωγῆς. Αθήνα, 1988. Σ. 87; *Thalmann. The Swineherd... P. 76; idem. Female slaves... P. 29.**

¹⁵ О значении термина см. *Mader B. δρηστή(τηρ), δρηστει(α) // Lexikon des Frühgriechischen Epos... S. 348; Κωνσταντόπουλος*. Op. cit. Σ. 329, υλοσ. 1α; *Garlan Y. Les esclaves en Grèce ancienne. P., 1982. P. 144; Liddell H., Scott R. A Greek-English Lexicon. Oxf., 1996. P. 449.*

¹⁶ См. также Hymn. Hom. in Cer. II. 227–230; Hymn. Hom. in Apol. III. 91–125.

¹⁷ *Τὸ δὲ, σὺ μ' ἔτρεφες αὐτῇ τῷ σῶ ἐπὶ μαζῶ, τὴν μαῖαν ὑπογράφει. τοιαύτη γὰρ ἡ κυρίως μαῖα κατὰ μητέρα τρέφουσα... – «Выражение σὺ μ' ἔτρεφες αὐτῇ τῷ σῶ ἐπὶ μαζῶ отображает майю. Такова и есть главная майя, кормящая при матери» (Eust. Comm. ad Hom. Odys. T. II. P. 213, l. 41–42).*

¹⁸ *Notor G. La femme dans l' antiquité Grecque. P., 1901. P. 7; Seymour Th. Life in the Homeric Age. N.Y., 1907. P. 139.*

¹⁹ *Τσιρπάνδης Κ. Οἰκογενειακὸς βίος καὶ παιδεία εἰς τὸν ἀρχαῖον κόσμον // Πλάτων. Ἔτος ΚΑ'. 21, τ. 41 / 42. Ἀθήνα, 1969. Σ. 224; Γιαννικόπουλος*. Op. cit. Σ. 76.

этом случае, как подмечает Евстафий, чтобы подчеркнуть законность происхождения (Eust. Comm. ad Hom. Odys. T. I. P. 88, l. 11–13). Сеймур же забывает здесь об иррациональной логике эпоса, к которой, по существу, часто сам апеллирует²⁰.

Известно, что целью брака в древней Греции являлось главным образом деторождение²¹, чем главная функция физической матери в основном и исчерпывалась: ребенка препоручали няньке. В греческой мифологии мотив кормящей матери практически отсутствует, а божественные младенцы отдаются на вскармливание и воспитание трофосам²². В «Илиаде» кормление и воспитание ребенка еще составляют, как правило, заботу матери (XVI. 203; XVIII. 436; XXII. 82–88), однако уже в ней заметно постепенное разделение материнских обязанностей между матерью и ее заместителями, и прежде всего в мире богов, где материнские обязанности выходят за рамки семьи. Гера, например, вскормила и воспитала Фетиду (XXIV. 59–61), дочь Нерея и Дориды (Apollo. I. 2, 7), Афина – трофос Эрехтея (II. 547–548), сына Пандиона и Зевксишпы (Apollo. III. 14. 8). У людей выращивание ребенка обычно остается уделом семьи. Ифидаму воспитал его дед по матери Кисс (XI. 221–224), Тевкра – его приемный отец Теламон (VIII. 283–284). В «Одиссее» впервые для мира смертных материнские функции вскармливания и воспитания ребенка принимает на себя не член семьи. Перемена очевидна, однако условности пока соблюдены, поскольку как паредра матери Еврикля – почти член семьи. Он побуждает деда Одиссея Автолика дать ему имя, тем самым вмешиваясь в исключительно семейную процедуру оноματοфесии (XIX. 401–404). Ее отношение к Одиссею ничем не отличается от материнского. Для нее и жена Одиссея – *νύμφα φίλη* – «друг невестка» (IV. 743), как если бы речь шла о ее собственной невестке²³. Материнское отношение няньки к Одиссею возбуждает даже ревность Телемаха (II. 349–352). Она горюет об отсутствии Одиссея, и простое упоминание о нем повергает ее в слезы (XIX. 361–363), при этом она прикрывает лицо руками – типичный жест скорби (Eust. Comm. ad Hom. Odys. T. II. P. 206, l. 18–20). В момент узнавания Одиссея Еврикля исполнена нежности и облегчения. Не случайно в этой сцене, несущей, вероятно, наивысшую эмоциональную нагрузку²⁴, Пенелопа, которая не принадлежит к отчей семье героя, появляется во втором плане.

Еврикля называет Одиссея *φίλον τέκος* (XIX. 474) – выражением, которое в «Илиаде» встречается как обращение отца к дочери (VIII. 39) и сыну (XXII. 38), матери – к сыну (XVIII. 63) или приемной матери – к дочери (XIV. 190). Иногда она называет его *τέκνον* (XXII. 420) или *τέκνον ἑμόν* (XIX. 492; XXII. 486), т.е. так же, как и Антикля (XI. 155). В «Илиаде» последнее используется при обращении отца к дочери (XIX. 342) или матери к сыну (I. 414).

²⁰ См. пример матери-девы у Нонна (Nonnus. Dionys. XLVIII. 488–489).

²¹ *Fustel de Coulanges N.-D. La cité antique. P., 1929. P. 52–53; Flacelière R. La vie quotidienne en Grèce au siècle de Périclès. P., 1959. P. 77–78.*

²² *Bonfante L. Nursing, Mothers in Classical Art // Naked Truths: Women, Sexuality and Gender in Classical Art and Archaeology. L. – N.Y., 1997. P. 174.*

²³ «Ὅτι θρησάμενη τὸν Ὀδυσσεῖα ἢ γραυῖς Εὐρύκλεια καὶ ὡς ἐπὶ υἱῷ ἐκείνῳ διακειμένη, νύμφην προσφωνεῖ τὴν καὶ δέσποιναν καὶ βασιλείαν ἐν τῷ, νύμφα φίλη. ὡς εἴπερ εἶπε, νύμφη τοῦ υἱοῦ μου – «В отношении того, что старуха Еврикля, которая вскормила Одиссея и была расположена к нему как к собственному сыну, зовет невесткой ту, которая является и госпожой, и царицей, словами “друг невестка”. Это как если бы она сказала “невестка сына моего”» (Eust. Comm. ad Hom. Odys. T. I. P. 191, 3–5).

²⁴ *Page D.L. The Homeric Odyssey: The Mary Flexner lectures delivered at Bryn Mawr College in Pennsylvania. Oxf., 1955. P. 127, 135. Not. 29.*

Необходимо отметить, что в отличие от слова *παῖς*, которое используется и как родственное, и в общем смысле, слова *τέκος* и *τέκνον* всегда имеют родственный контекст²⁵.

С момента, когда она обнаружила след детской травмы Одиссея (XIX. 390–398), Евриклея совершенно не сомневается, что перед ней ее любимец (*μαῖα ... καρχαλόωσα ...* – «майка ликующая»: XXIII. 59), и с материнской нежностью продолжает заботиться о нем (XXII. 486–489). Поразителен облик Евриклеи, которая, забыв о возрасте, бежит оповестить Пенелопу о прибытии Одиссея: *Γρηῖς δ' εἰς ὑπερῷ' ἀνβήσατο καρχαλόωσα, δεσποίνῃ ἐρέουσα φίλον πόσιν ἔνδον ἔοντα· γούνατα δ' ἐρρώσαντο, πόδες δ' ὑπερικταίνοντο* – «А ликующая старуха в верхний покой поднялась, чтоб госпоже доложить, что ее любимый муж в доме; колени ее наполнились силой, ноги старались идти» (XXIII. 1–3). И каким контрастом уверенности и радости Евриклеи выступают постоянные сомнения Пенелопы (XXIII. 59 sq., 166 sq.)!

Но и Одиссей питает к своей няньке почти родственные чувства (XIX. 346–347). На семейную близость и нежность указывают ее определение как *κεδνὰ ἰδυῖα*, часто применяемое к родным, за исключением родителей. Забота о няньке проявляется у Одиссея и в стремлении избавить ее от ненужных хлопот, когда он говорит, чтобы она не отчитывалась за рабынь (XIX. 500).

Как нянька героя Евриклея весьма близка к его жене. Она сочувствует Пенелопе как родной, называя ее *νύμφα φίλη* – «друг невестка»²⁶, *τέκνον ἐμόν* – «дитя мое» (XXIII. 70), *τέκνον φίλον* – «друг дитя» (XXIII. 26). Она защищает ее перед Телемахом (XX. 135), успокаивает (IV. 758), но и по-матерински бранит ее (XXIII. 70 sq.), что указывает на отношения скорее родственные, чем отношения прислужницы и госпожи. Пенелопа отвечает Евриклее взаимностью (XXIII. 32–35), называя ее *μαῖα φίλη* – «друг майя» (XXIII. 35, 59, 81). Преданность Евриклеи проявляется в ее ответе госпоже на приказание омыть ноги «нищему»: *τῷ σε πόδας νύμφω ἅμα τ' αὐτῆς Πηνελοπέιης καὶ σέθεν εἰνεκ' ...* – «тебе же ноги омою и ради самой Пенелопы, и ради тебя самого» (XIX. 376–377). Конечно, послушание и уважение майи к Пенелопе коренятся в различии их социального положения, однако отчасти – и в общей для этой эпохи доле женщин, которая объединяет их независимо от социального статуса. Слова Евриклеи – *νύμφα φίλη σὺ μὲν ἄρ με κατάκτανε νηλεῖ χαλκῷ* – «друг невестка, ты убить меня можешь беспощадною медью» (IV. 743) – показывают, что госпожа в отсутствие главы ойкоса, согласно домострою (*κυρεῖα*) эпохи, выступала держателем господских прав супруга, а следовательно, и его прав над майей. Но и в этой ситуации смелое поведение Евриклеи на уровне литературного приема по сути возвышает ее до уровня госпожи. Независимость Евриклеи по отношению к Пенелопе видна и в сцене оповещения о прибытии Одиссея (XXII. 496): нянька бежит не сразу к Пенелопе, а созывает рабынь, чтобы они поприветствовали хозяина²⁷; несмотря на готовность няньки выполнять приказы госпожи, таковых немного. Кроме вышеупомянутого Пенелопа отдает Евриклее приказание еще только единожды – подготовить ложе для Одиссея (XXIII. 177). Евриклея повинуется, хотя формально это не ее дело.

²⁵ Gates H.P. *The Kinship Terminology of Homeric Greek*. Baltimore, 1971. P. 11.

²⁶ Евстафий также считает это указанием на родство (Eust. Comm. ad Hom. Odys. T. I. P. 9, l. 20–21). В «Илиаде» такое обращение адресовано Елене, но указывает не на родственные узы, а на дружеское отношение (III. 130).

²⁷ См. также Scott. Op. cit. P. 77. Однако было бы преувеличением считать эти отношения плохими (Beck. Op. cit. S. 798).

Конфликтность ситуации снимается тем, что в обоих случаях действия няньки по сути дела направлены на Одиссея, а следовательно, входят в ее обязанности по отношению к воспитаннику. Моральный закон, связывающий Евриклею с главой ойкоса, явно превалирует над ее отношением к Пенелопе. Возможно, здесь и коренятся смелость Евриклеи в ответах госпоже и независимость в поведении (см. также IV. 743 sq.).

Евриклея продолжает исполнять обязанности кормилицы и няньки, когда рождается Телемах: ... ἐ μάλιστα δμωῶων φιλέεσκε καὶ ἔτρεφε τὸτθὸν ἐόντα – «... из невольниц она более всех проявляла любовь и кормила его, когда он был младенцем» (I. 434–435). Ее материнская любовь к Телемаху столь сильна, что это даже заставляет поэта отметить очевидное – то, что Телемах действительно сын Пенелопы (XXIII. 60–61), эмфазис, который замечает и Евстафий (Eust. Comm. ad Hom. Odys. T. II. P. 295, l. 18–19). Она не перестает опекать Телемаха и, когда он вырос, заботливо готовит его к путешествию, которое Телемах скрывает от матери при молчаливом содействии няньки (II. 356–358; 377–380). Она ведет его к ложу с зажженными факелами (I. 434–442), хотя светить не являлось ее обязанностью: ... δμωῶς δ' οὐκ εἶας προβλωσκέμεν, αἳ κεν ἔφαλλον – «...невольницам, которые светили бы тебе, ты запрещаешь выходить» (XIX. 25). Сцена эта, напоминающая нам о роли женщины – хранительницы огня²⁸, приобретает символическое значение. Символ майи как той, которая ведет, развился позднее в определение майи-повитухи как той, кто ведет младенцев к свету²⁹, и той, которая, согласно Проклу, есть ἀφανεῖ κερυμμένα εἰς τὸ ἐμφανὲς προάγουσα – «невидимое сокрытое в явь выводящая» (J. Laut. Lydus. De mens. IV. 76).

Обращенные к Телемаху речи майи пронизаны духом наставления, когда она желает ему разумно управлять отцовским добром (XIX. 22–23), и беспокойством, когда она убеждает его не отправляться на поиски отца (II. 363–370). С нежностью и слезами она мчится встретить его (XVII. 31–33), покорно выслушивает и выполняет его повеления (XXI. 380 sq.; XXII. 395).

Евриклея по-матерински называет Телемаха τέκνον (XIX. 22; XX. 135) или φίλε τέκνον (II. 363). В безличном выражении μούνος ἐὼν ἀγαπητός – «единственный любимый» (II. 365) она косвенно выражает и свои к нему чувства.

Со своей стороны Телемах доверяет Евриклее больше, чем матери. Доверие это даже «божественно» обосновано, поскольку так советует ему Афина: οἴσθα γὰρ οἷος θυμὸς ἐνὶ στήθεσσι γυναικὸς κείνου βούλεται οἶκον ὀφείλλειν, ὅς κεν ὀπιῆ, παίδων δὲ προτέρων καὶ κουριδίῳ φίλοιῳ οὐκέτι μέμνηται τεθνηότος οὐδὲ μεταλλᾶ. ἀλλὰ σὺ γ' ἐλθὼν αὐτὸς ἐπιτρέψειας ἕκαστα, δμωῶων ἢ τίς τοι ἀρίστη φαίνεται εἶναι, εἰς ὃ κέ τοι φήνωσι θεοὶ κυδρὴν παράκοιτιν – «...так как тебе известно, какова душа в груди женщины; она желает заботиться о доме того, кто возьмет ее в жены, а о детях от первого брака и об умершем любимом муже и не вспоминает, и знать не хочет. Но когда ты вернешься, доверь все той из невольниц, которую ты считаешь наилучшей, пока боги не явят тебе славную жену» (XV. 20–26)³⁰. Желание Те-

²⁸ Graz L. Le feu dans l' Iliade et l' Odyssee. P., 1965.

²⁹ Phil. Jud. Q. det. pot. insid. sol. 128; Luc. An. Com. De nat. deorum. 23; Olympiod. In Plat. Alciv. Comm. 63.

³⁰ Евстафий снабжает это место таким схолием: Τὸ δὲ ἐπιτρέψαι τῇ τῶν δμῶων ἀρίστη τὰ τοῦ οἴκου δηλοῖ μὲν ὡς προτιμηθήσεται ποτε δοῦλη εὖνον δοκάνου μητρὸς – «Выражение ἐπιτρέψαι τῇ τῶν δμῶων ἀρίστη то, что относится к дому, указывает, что лучше иной раз предпочесть преданную рабыню расточительной матери» (Eust. Comm. ad Hom. Odys. T. II. P. 90, l. 18–19).

лемаха оповестить о своем возвращении только майю и Пенелопу (XVI. 151–153) снова помещает Евриклею в один ряд с матерью. Иногда Телемах даже ценит няньку выше матери (XX. 129–133), которую осуждает за жесткий характер: μήτηρ ἐμή, δύσμητηρ ... – «мать моя, горе-мать» (XXIII. 97)³¹.

Телемах называет няньку μοῖα (II. 349, 372; XIX. 16) или μοῖα φίλη (XX. 129), как и Одиссей. Но если для Одиссея Евриклея – потенциальная мать, то для Телемаха она – потенциальная бабушка. Однако слова, с которыми они обращаются к няньке, а нянька – к воспитанникам, совпадают. Понятие μοῖα как бы отделяется от материнского начала, приобретая оттенок некой «профессиональности», поскольку нянька именуется «майей» независимо от поколения, которое она воспитывает.

Обязанности Евриклеи включают и некоторые второстепенные дела, которые объединены в гомеровском οἰκωφελίη – «полезное дому» (XIV. 223)³². Как γυνή τοῦτη («женщина-ключница»), она – хранительница складов царского имущества (II. 345–347), т.е. лицо весьма доверенное, занимающее главенствующее положение³³. В другом месте она называется ἀμφίπολος τοῦτη – «ключница-амфиполос» (XVI. 152) – термином, который тот же смысл имеет в «Илиаде» (XXIV. 302–304). Независимо от социального содержания термина ἀμφίπολος³⁴, такое определение Евриклеи уводит нас в мир древних культов, где термин имел иератический смысл. Со значением «терапайна, жрица» термин встречается на пилосских табличках и в Фивах³⁵. Если учесть, что ойкос являлся еще и культовой единицей, а его глава – религиозным предводителем, то гомеровская ἀμφίπολος τοῦτη есть результат развития древней жрицы-хранительницы святилища, а соответственно – очага-гестии. Если же мы вспомним, что на пилосских табличках второе в жреческой иерархии лицо – ka-ga-wi-ro-go или ka-ra-ti-ja – «носитель ключей» – отвечало за реквизицию меди для изготовления оружия³⁶, более понятными становятся и роль Евриклеи как надзирателя над «мужскими» складами (II. 345), и ее присутствие в момент, когда Телемах собирает и уносит в хранилище отцовское оружие (XIX. 16 sq.). Вид оружия не является для нее табу в противоположность другим женщинам ойкоса. Бесстрашно взирает майя и на истребленных женихов (XXII. 411–416).

Евриклея, майя-трофос мужчин, наделена достоинствами, свойственными характеру мужчины данной эпохи, которого она растит. Одной из таких черт является способность утверждать свою волю – свойство, необходимое для трофоса в частности и составляющее непереносимое условие общественного

³¹ Христианская мораль заставляет Евстафия охарактеризовать слова Телемаха как выражение горечи (Ibid. P. 230, l. 6–7).

³² Из схолий Евстафия: ... οἰκωφελία δὲ κατὰ τοὺς παλαιούς ἢ οἰκουρία καὶ ἐπιμέλεια τοῦ οἴκου διὰ ψευδῆς τυχόν ἢ τοιοῦτου τινός ... – «...οἰκωφελία, согласно древним, есть проживание и забота о доме или, возможно, путем земледелия, или другим подобным способом...» (Ibid. P. 75, l. 7 sq.).

³³ Flacelière. Op. cit. P. 90.

³⁴ О значении слова ἀμφίπολος см. Schuh F., Latacz J. Ἀμφίπολος // Lexikon des Frühgriechischen Epos / Vorbereitet von Br. Snell., V. Red., H.J. Mette. Göttingen, 1955. S. 683–684, 687; Chantraine P. Études sur le vocabulaire Grec: études et commentaires. P., 1958. P. 16; Carlier P. La femme dans la société mycénienne d'après les archives en linéaire B. // La femme dans... P. 17; Προμπονάς Γ. Λεξικό της μυκηναϊκής ελληνικής. Αθήνα, 1978. Σ. 129; Κωνσταντόπουλος. Op. cit. Σ. 29. 5; Garland. Op. cit. P. 33, 44.

³⁵ Προμπονάς. Λεξικό... Σ. 128; idem. Τα ομηρικά έπη ... Σ. 155. О древнейшем значении слова см. также Ventris M., Chadwick J. Documents in Mycenaean Greek. L., 1956. Repr. Camb., 1973. P. 160; Hiller S. A-pi-ko-ro amphipoloi // Studies in Mycenaean and Classical Greek presented to J. Chadwick / Ed. J.T. Killen, J.L. Melena, J.P. Olivier. Minos. XX–XXII. Salamanca, 1987. P. 239–255.

³⁶ Carlier. Op. cit. P. 12.

признания в эпосе в целом. Именно по этой причине она одновременно *σκολός*, надзирательница над рабынями в мужской половине ойкоса (XXII. 395–396). Это право она разделяет с Пенелопой (XXII. 421–425), которая даже своему сыну его не уступила (XXII. 426–427), и Телемах вынужден обращаться к майе как к посреднице (XIX. 16). О поведении рабынь Евриклея отчитывается самому Одиссею, сообщая ему о тех из них, кто своим поведением бесчестит господина (XXII. 417–425). Возможно, в данном случае Евриклея выступает еще и защитницей сексуальных прав своего воспитанника. По сути дела все это наделяло ее правом жизни и смерти над рабынями.

В обязанности Евриклея входит также распределение домашних работ (XX. 149–156) и суровое воспитание подневольных женщин: *τὰς μὲν τ' ἔργα διδάξαμεν ἔργαζέσθαι, εἴριά τε ξαίνειν καὶ δουλοσύνην ἀνέχεσθαι* – «их мы обучили трудиться, и шерсть чесать, и рабскую долю терпеть» (XXII. 422–423)³⁷. Рабыни ей повинуются (XX. 157) и уважительно величают ее *διὰ γυναικῶν* (XX. 147). Евстафий объясняет *διός*, *διὰ* как *κορυφαῖος τῶνδὲ τινῶν* – «главный из числа некоторых»³⁸ и как «славнейшая» (Eust. Comm. ad Hom. Odys. T. I. P. 9, l. 21 sq.), а также связывает этот эпитет с подготовкой посвященного Аполлону праздника нуминий, напоминая тем самым о культовом оттенке его значения (Eust. Comm. ad Hom. Odys. T. II. P. 231, l. 21 sq.). В «Илиаде» это эпитет богинь (например, V. 70, 381), а также тех, кто входит в ближайшее окружение героев или связан с ними крепкими узами. В «Одиссее» он является обычным для членов царского дома (I. 196; XVIII. 208; XIX. 430, 437) и, таким образом, еще раз подчеркивает особое положение майи.

Хозяйственные обязанности Евриклея, направленные на сохранение равновесия внутри дворца на пользу его господ, делают ее лицом весьма важным. Сама Евриклея хорошо понимает важность своей роли, которая, по сути, приравнивает ее к госпоже ойкоса (XXII. 425).

Появившаяся во дворце в цветущих летах, а ныне *ὀλιγητελέουσα* – «неможная» (XIX. 356)³⁹, *ῥηῖς* Евриклея, «au coeur fidèle»⁴⁰, остается любимой и в глубокой старости благодаря совершенству действий и преданности. Разбросанные по всему гомеровскому тексту описания черт Евриклея сливаются в зримый портрет, отображающий, даже если отбросить намеренную эпическую гиперболлизацию, идеальный майю. Характерной чертой майи является ее *θαλερῆ φωνή* – «звонкий голос» (XIX. 472). Гомеровская *θαλερός*, оттенок значения которого точнее передается французским *florissante* – «цветущий», отсылает нас к скрытой сексуальности, красоте и здоровью – свойствам, которые составляют женский идеал⁴¹. Примечательно, что тот же эпитет и в том же значении встречается в «Илиаде» применительно к Елене (*θαλερῆ λαράκοιτις* – III. 53). Эпитет *πυκνῆδής* – «густобровая» (I. 438) передает рассудительность и мудрость (подробнее см. Xen. Symp. VIII. 30). Выражение *πυκνὰ μῆδεα* – «густые сросшиеся брови» как обозначение благоразумия, смысленности или даже одаренности встречается в «Илиаде» применительно

³⁷ Обзор точек зрения на смысл слова *δουλοσύνη* см. *Thalman. The Swineherd...* P. 32–33.

³⁸ Eustathii Archiepiscopi Thessalonicensis Commentarii ad Homeri Iliadem pertinentes ad fidem codicis Laurentiani edidit Marchinus Van der Valk. V. III. Praefationem et commentarios ad libros K-II complectens. Lugduni Batavorum, 1979. P. 188, l. 5–6 (далее ссылки по этому изданию).

³⁹ *ὀλιγητελέουσα... τούτέστιν ἀσθενῶς ἔχουσα καὶ ἤδη ὀλίγη πέλουσα...* – «ὀλιγητελέουσα... – то есть немощная и уже с трудом передвигающаяся» (Eust. Comm. ad Hom. Odys. T. II. P. 205, l. 5–6).

⁴⁰ *Bardollet L. Les mythes, les dieux et l'homme. P., 1997. P. 139.*

⁴¹ *Woronoff M. La femme dans l'univers épique (Iliade) // La femme dans... P. 37.*

к Одиссею и Менелаю (III. 202, 208). Разум, который отличает Евриклею, выражается и в эпитетах περίφρων – «мудрая» (XIX. 357, 491; XXI. 381) и ἐπιφρονέουσα – «благоразумная» (XIX. 385). Ее познания в сочетании со способностью блюсти тайну отражаются в выражении νόου πολυϊδρεΐησιν – «многоопытностью ума» (II. 346). О сдержанности ее характера говорит благоразумие, что выражается в ее наставлении Телемаху (XIX. 22–23), или поддержка в момент узнавания Одиссея⁴² – черта, которую она, как видно, передала и ему самому. Ощущение правоты пронизывает всю ее сущность. Мы видим это в ее участии в наказании наложниц (XXII. 420 sq.), в отношениях с Пенелопой (IV. 743–757; XXIII. 70), в позиции по отношению к Одиссею (XIX. 492). Гипербола допущена только единожды, в сцене истребления женихов (XXII. 411–416)⁴³, где из-за избыточного усердия она выглядит мстительной (XXII. 407 sq.)⁴⁴. Ее упование на богов (II. 377; IV. 754–757; XIX. 363–368) указывает на религиозность. Евриклея отзывчива и сострадательна (XIX. 376–378), обладает негибкой душой (XIX. 493–494). Она прекрасно знает характер Одиссея и способна погасить его гнев (XIX. 492 sq.). Здравая (αἰσίμη; XXIII. 14) Евриклея послушна (XXII. 492) и заботлива по отношению к господам, включая старика Лаэрта (IV. 754). Свидетельства работоспособности майи, которую она прививает Телемаху, вырисовывают в общих чертах идеал женщины с конкретными занятиями, χρησιμωτάτης – «наиполезнейшей» (Eust. Comm. ad Hom. Odys. T. II. P. 205, l. 12), которая явится прототипом профессиональной работницы в более позднее время.

Образ Евриклеи настолько положителен, что С. Батлер даже полагал, что «Одиссея» написана женщиной⁴⁵. Почти абсолютная положительность ее характера побуждает В. Тальманна задаваться вопросом: может быть, логика мифа диктует, чтобы герой был окружен только хорошими, и говорит об эпическом возвышении образа⁴⁶.

Слово μάϊα, кроме обращения к Евриклее, встречается в «Одиссее» еще только один раз в обращении к Евриноме⁴⁷ (XVII. 499), которая в остальных случаях называется только по имени. Как и Евриклея, Евринома является δμῶν (XVII. 493 sq.), однако ее место – исключительно в кругу Пенелопы, которая имела небольшое число собственных прислужниц (XVIII. 182–183). Непосредственно с домом Лаэрта ее ничто не связывает. Евринома занимает положение на ступеньку выше безымянных прислужниц, от которых она отличается и конкретными обязанностями ταμίη (XVII. 495; XIX. 96; XXIII. 154), и близкими отношениями с Пенелопой (XVII. 496–499; XVIII. 164–168, 178 sq.). Она – важная из служанок женской половины дома. Обязанности ταμίη делают ее двойником Евриклеи, впрочем, меньшего масштаба, поскольку они связаны только с женской половиной ойкаса.

⁴² Ср. поведение других рабынь: αἱ μὲν ἄρ' ἀμφεχέοντο καὶ ἠσπάζοντ' Ὀδυσῆα καὶ κύβεον ἀσταζόμεναι κεφαλὴν τε καὶ ὤμους χεῖρας τ' ἀνύμεναι – «они же обступали и целовали Одиссея, бесстыдно глядя его голову и плечи и хватая его за руки» (XXII. 498–500).

⁴³ Сцена высокой эмоциональной нагрузки (*Stanford W. Personal Relationships // Essays on the Odyssey: Selected Modern Criticism / Ed. Ch. Taylor. Bloomington, 1965. P. 25*).

⁴⁴ *Hirvonen. Op. cit. P. 190*.

⁴⁵ *Butler S. The Authoress of the Odyssey, Where and When She Wrote, Who She Was, the Use She Made of the Iliad, and How the Poem Grew under Her Hands. Chicago – London, 1967. P. 143*.

⁴⁶ *Thalman. The Swineherd ... P. 14, 75–78*.

⁴⁷ Существует предположение, что Евринома является позднейшей интерполяцией. См., например: *Bergk Th. Griechische Literaturgeschichte. Bd I. B., 1872. S. 708–710, 715; Scott. Op. cit. P. 75*.

В отличие от Евриклеи майя Евринома – θαλασσηλόλος – «горничная» (XXIII. 293)⁴⁸. Она готовит супружеское ложе Одиссея и Пенелопы вместе с Евриклеей⁴⁹, которая удаляется первой, поскольку данная деятельность не входит в ее основные обязанности. При этом Евриклея удаляется οἰκόνδε (XXIII. 292), т.е. в свою половину дома. Различие в положении Евриномы и Евриклеи явно коренится во второстепенном месте женщины в ойкосе.

Как относительное сходство Евриномы и Евриклеи⁵⁰, так и их различие отражаются в их именах. Если Евриклея именем связана с героем, имя Евриномы (от νέμο – «распределяю») связано с госпожой ойкоса. Подобно Евриклее Евринома называет жену Одиссея τέκος и обращается к ней с нежностью (XVIII. 170–176). Она сочувствует Пенелопе (XVII. 496–497; XVIII. 170 sq.), послушно выполняет ее приказания (XIX. 97 sq.). Черты «девичьей» майи, достоинства и психология которой резко отличаются от майи «мужской», отражает полная женственности и кокетливости сцена, в которой майя уговаривает Пенелопу нарядиться (XVIII. 170 sq.).

Все указанное, определение ее как ὑρήῳς (XVIII. 185) и «майя» позволяет нам считать Евриному майей Пенелопы. Любопытно вспомнить тождественную по имени Океаниду Евриному «Илиады», сестру майи, вместе с Фетидой спасшую и приютившую брошенную матерью Гефеста (XVIII. 398–405). Два имени перекликаются и благодаря упоминанию Гефеста в сцене омовения Одиссея, которого купает, умащивает маслом и облачает Евринома как доверенная прислужница Пенелопы (XXIII. 153 sq.). Омовение здесь выступает как ритуал очищения и преобразования, благодаря которому герой сбрасывает с себя скверну нищенства и убийства, обретает надлежавший героический облик и возвращается на положенную ему социальную ступень. С ритуалом очищения связана также и Евриклея, которая подносит вершителю обряда Одиссею огонь и серу для окуривания оскверненного убийством женихов дворца (XXII. 480–482). Хотя и вспомогательные в условиях социальной стратификации гомеровского ойкоса, их функции вновь напоминают нам о древнейшем иератическом ядре обоих образов и о мифологических корнях слова «майя».

Слово ὑρήῳς (VII. 8) и подобие функций связывают Евриклею также с образом Евримедусы, трофоса Навсикаи (VII. 7–13), подаренной царю Алкиною рабыни-эпиротки, которая тоже была аристократкой по происхождению⁵¹. Если верить схолию Евстафия, то данное ей имя, которое опять же несет позитивную окраску, принадлежало царскому дому (Eust. Comm. ad Hom. Odys. T. I. P. 286, l. 16–18).

Нижнее положение в той категории, к которой принадлежат обе майи, занимает безымянная сицилийская старуха, амфипола старика Лаэрта (XXIV. 366), которая его призывает (I. 189–193; XXIV. 211, 365–366). Она также заботится о его рабах и растит их детей, которые величают ее μήτηρ (XXIV. 389). Подобное обращение со стороны детей Долиона вполне приемлемо для Гомера, так как в данном случае и трофос, и ее воспитанники – люди одной и той же социальной группы. Отсутствие социальной границы приводит к формальному стиранию разницы между родной матерью и ее паредром на лексическом уровне и определяет тождественность обращений. То же самое мы за-

⁴⁸ О значении слова θαλασσηλόλος см. Wace A.J.B. Notes on the Homeric House // Journal of Hellenic Studies. 1951. LXXI. P. 207–209.

⁴⁹ По мнению Тальманна, это символическое отражение единства мужской и женской частей гомеровского ойкоса (Female slaves... P. 28).

⁵⁰ Beck. Op. cit. S. 801.

⁵¹ Ballabriga A. Les fictions d'Homère: L'invention mythologique et cosmographique dans l'Odys-sée. P., 1998. P. 211.

мечаем и в «Илиаде», где Гера словом μήτηρ называет своего трофоса Тетиду (XIV. 201)⁵². Так в гомеровском эпосе слово μήτηρ в применении к трофосу приобретает смысловой оттенок, развитый в более позднее время, когда слова μήτηρ и μάϊα часто использовались как синонимы⁵³.

Впрочем, оба слова восходят к общему индоевропейскому корню со значением материнства (ср. санскр. *mata-h* – «мать»)⁵⁴. В древнеиндийской традиции майя (*ma-y-a*) – демоническая созидательная сила Варуны, благодаря которой образовался мир (RgVeda. 9. 73. 6)⁵⁵.

«Майя» гомеровских поэм – это еще не название профессии, а рядовое обращение к трофосу со стороны ее воспитанников, что заставляет позднейших схоластиков игнорировать явную связь понятий «майя» и «трофос» в гомеровском тексте⁵⁶. Несомненно, что ее функции повитухи, кормилицы и няньки в «Одиссее» еще не имеют характера профессионального занятия. Гомеровская майя, предоставляющая высшему сословию свои услуги, – это пока только предшественница профессиональной работницы. С распадом ойкоса как замкнутой экономической единицы ее обязанности в ходе социальных перемен внутри полиса распадутся со временем на целый ряд женских профессий, каждая из которых сохранит что-то от идеального образа гомеровской майи.

HOMERIC ΜΑΪΑ: HISTORICAL PROJECTIONS OF A LITERARY CONTEXT

N.K. Gourouva

The article deals with the analysis of the context of the word μάϊα in the «Odyssey», which is mostly used for Eurycleia. Her image and her role in the epos make her appear as a person close to the royal family. Her main functions begin with the role of the midwife when Odysseus is born and include the rearing and bringing of the male members of the royal family, which reflects the possible purpose of her appearance in the house of Laertes as «purchased mother» and her position as *paredros* of Odysseus' mother Anticleia.

If Eurycleia is the «male» *maia*, her «female» equivalent in the «Odyssey» is Penelope's *maia* Eurynome. Some of the secondary functions of both *maiai* show the cult genesis of their images. Nausicaa's nurse Eurymedusa and the anonymous Sicilian *amphipolos* of Laertes are treated as secondary *maiai*.

The Homeric *maia* is a person in charge of specific duties, but the Homeric word does not yet denote a profession. It is just an address to the bearer of the ideal epic characteristics of a dependant worker, whose functions after the collapse of the Homeric *oikos* will disintegrate to form a number of female professions.

⁵² Гейте считает обращение «мать» по отношению к Тетиде метафорическим (Op. cit. P. 8).

⁵³ Schol. in Aesch. (scholia vetera), hyp. 44, 1; Nonnus. Dionys. LXVIII. 858–859; Athan. Theol. Sermo de descript. deiparae. XXVIII. 956.

⁵⁴ Prellwitz W. Etymologisches Wörterbuch der griechischen Sprache. Göttingen, 1892. S. 188–189, 199; Daremberg M.Ch., Saglio E., Pottier E. Dictionnaire des antiquités grecques et romaines. T. III. Pt 2. P., 1904. P. 1553; Boisacq E. Dictionnaire étymologique de la langue grecque. P., 1916. P. 596, 600; Chantraine P. La formation des noms en grec ancien. P., 1933. P. 98; Schwyzler E. Griechische Grammatik. Bd I. München, 1939. S. 473; Schwyzler E., Debrunner A. Griechische Grammatik. Bd II. München, 1950. S. 31; Hoffmann J.B. Etymologisches Wörterbuch des Griechischen. München, 1966. S. 187; Chantraine P. Dictionnaire étymologique de la langue grecque: Histoire des mots. P., 1968. P. 654, 657–658; Frisk H. Griechisches etymologisches Wörterbuch. Bd II. Heidelberg, 1970. S. 159; Duhoux Yv. Introduction aux dialectes grecs anciens. Problèmes et méthodes, recueil de textes traduits. Louvain-la-Neuve, 1983. P. 32.

⁵⁵ Dumézil G. Ordre, fantaisie, changement dans les pensées archaïques de l'Inde et de Rome // Revue des études latines. 1954. № 32. P. 139–160; idem. Les dieux souverains des Indo-Européens. P., 1977. P. 65.

⁵⁶ ...Ὀμηρος δὲ ... ἀποθεραπεύων τὴν ἡλικίαν, μάϊαν τὴν πρεσβύτην λέγει ... – «А Гомер ... бережно относиться к возрасту, называет майей старуху...» (Aristoph. Gramm. Fr. 13 = Eust. Comm. ad Hom. II. V. IV. 1987. P. 92, l. 6–7); μάϊα καὶ ἡ ἀπλῶς πρεσβυτέρα γυνὴ ἐλέγετο ... – «майей называлась и просто престарелая женщина...» (Eust. Comm. ad Hom. Iliad. V. III. P. 592, l. 1).